

«Гарри, что случилось с тобой после того, как ты ушел с церемонии подписания памятных вещей Золотого трио»? — нервно спросила Гермиона. Она была прижата к Гарри, теплота под одним стеганым одеялом в три часа ночи давала удовлетворение. С тех пор, как она узнала об их прошлой жизни, этот вопрос не давал ей покоя, и ей не терпелось узнать; в то же время Гермиона не хотела поднимать эту тему перед взрослыми, и поэтому даже после их очень долгого пересказа предыдущей временной шкалы сон ускользнул от лохматого подростка.

Гарри тяжело вздохнул, он так не хотел этого разговора, но не было ничего другого, кроме как изложить перед ней правду: «На самом деле ничего особенного; я пошел в Гриммо и просто... умер».

Испуганно вздохнув, Гермиона отстранилась, чтобы посмотреть Гарри в глаза, в них была боль, но также и некоторое согласие с судьбой. Гарри мягко отвел ее назад, позволив Гермионе положить голову ему на грудь, плотно прижавшись к его подбородку. Слезы начали течь из глаз Гермионы и начали увлажнять ночную рубашку Гарри, но он не обратил на это внимания и начал нежно гладить ее по спине в жесте утешения.

— Мне так жаль, Гарри, — выдавила она.

"Шшш... Гермиона", Гарри попытался успокоить ее боль. «На самом деле так было лучше».

Не поднимая головы, Гермиона спросила: — Как это может быть Гарри? недоверие, очевидное в ее голосе.

«Уже на следующий день после смерти Волан-де-Морта я начал терять контроль над своей магией. Даже левитировать перышко становилось трудно, в то же время я проделывал дыры в земле простым оглушающим заклинанием».

Гермиона чуть не задохнулась от своих криков, ее сердце болело сильнее из-за боли, которую Гарри чувствовал в те дни, когда он был один, пока она целовалась с Роном. Оглядываясь назад, это, должно быть, причинило Гарри гораздо большую боль, особенно после того, как она отдала свою девственность Гарри.

Гарри мягко продолжил: — Я боялся, что превращаюсь в пиропатрон. Представь, «Человек-Кто-Победил» превращается в пиропатрон... — у него вырвалось невольное фырканье, — ...я был бы посмешищем всего волшебства. Мир."

— Гарри... — раздраженно перебила Гермиона.

Гарри только крепче сжал ее, давая понять, что это говорит не его тщеславие. «Только после того, как я встретил создателя, я понял, что именно потеря моей душевной связи с Волан-де-Мортом и неспособность обрести свою настоящую родственную душу привели к моей потере магии и жизни».

Короткий промежуток молчания был прерван, когда спокойная Гермиона с любопытством спросила: — Когда ты понял, что любишь меня?

Гарри насмешливо усмехнулся: «После смерти Волдеморта». Он глубоко вздохнул и продолжил: «Я думаю, что всегда любил тебя, дорогая. Сильное желание защитить тебя любой ценой, будь то от тролля, василиска или Ремуса в образе оборотня, я всегда хотел быть на твоей стороне. чтобы обезопасить тебя». Тон Гарри стал горьким тенором: «Я никогда не сталкивался с такой любовью между партнерами по жизни; по этой причине я причислил тебя к брату и сестре. ее в компании Дина. С другой стороны, я был счастлив, потому что ты был счастлив с Роном. Я думал, что это из-за того, что я считал тебя сестрой».

Гермиона могла сочувствовать ему, ее собственные мысли в то время были беспорядочными, и ей потребовалось подсказку матери, чтобы понять ее настоящую любовь. У Гарри никогда не было такого руководства.

Гарри продолжил: «Только когда я начал чувствовать боль от твоей утраты, после того как влияние Волдеморта на мое собственное здравомыслие было устранено, я понял, что на самом деле был влюблен в тебя». Любовь терпелива, любовь добра и не ревнивая; любовь не хвастается и не высокомерна, я вспомнил это из посещения церкви давным-давно, когда я был ребенком. Я понял, что был влюблен в Джинни не потому, что я ревновал к Дину, но все мне нужно было быть счастливым, чтобы вы были счастливы».

"О Гарри!" Гермиона поддалась новому потоку слез, но на этот раз они длились недолго, так как ее сердце пело от счастья, что, хотя он и не осознавал этого, Гарри был влюблен в нее очень давно. Она была рада, что смогла пробудить в нем такую преданность.

Гермиона беззастенчиво потерлась мокрым носом о плечо Гарри, прежде чем снова прижаться к нему. — Я влюбилась в тебя почти с самого первого раза, когда увидела тебя. Мне вдруг стало неловко, и я попыталась скрыть это, извергая факты и в целом будучи Я так хотел, чтобы ты взял меня на Святочный бал на нашем четвертом курсе, но ты пускал слюни по Чоу...

— Я не пускал слюни... — возмущенно воскликнул Гарри.

Гермиона хихикнула: «Да... тогда что это было за зрелище, когда ты плевалась тыквенным соком на себя, когда она улыбалась тебе?»

Гарри добродушно простонал: «Ты же не позволишь мне забыть об этом, не так ли?»

"Нет!" Гермиона подчеркнула это, покачав головой, все еще лежа на его груди, что успокаивало и его, поскольку роскошные локоны Гермионы щекотали его щеку. Гермиона с сожалением вздохнула: — Думаю, именно тогда я бессознательно начала классифицировать тебя как брата.

На них снизошло мрачное настроение, настроение, отражавшее упущенные шансы и

допущенные ошибки. Пытаясь развеять меланхоличное настроение, Гермиона весело заговорила: — ...поэтому, когда создатель дал тебе шанс вернуться, ты им воспользовался...

— Не совсем... — застенчиво ответил Гарри.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Гермиона, легонько стукнув его в грудь.

«Конечно, я был в восторге, особенно когда он сказал, что я смогу прояснить отношения между нами и сделать тебя своей девушкой как можно скорее. Затем я напомнил себе, что победа, которую мы одержали над Волдемортом, была очень тяжелой; какое право я имею рисковать всем ради собственного счастья? Мое суждение всегда будет омрачено тем, чего я хочу, а не тем, что лучше для мира. Вот почему я сказал ему, что сделаю то, что вы предлагаете, а не что я хочу.»

Гермиона поцеловала Гарри прямо в сердце. — У тебя очень доброе сердце, Гарри. Она крепче обняла Гарри и вдохнула его запах: «Сначала это выглядело так, но потом я вспомнила все невинные жизни, которые были потеряны из-за того, что Волдеморта не остановили раньше. Забудьте о магии, магглы не могли быть даже побочным ущербом. , они не имели ничего общего с волшебной войной, и все же много жизней было потеряно из-за Волдеморта. У нас есть шанс предотвратить все это, Гарри».

Гарри поцеловал ее в макушку. — Видишь, я был прав, послав его к тебе.

«...и разве я не проделал прекрасную работу, отправив нас в прошлое».

«Конечно», — воскликнул Гарри, гордясь своей женой.

Гермиона открыла свой разум Гарри, чтобы он мог сам увидеть, что на самом деле произошло в тот роковой день, когда она узнала, что он умер. Разговор с матерью открыл ей глаза на тот факт, что она любила Гарри, и на горе, которое она испытала, узнав, что ее собственная слепота привела к смерти Гарри. Гарри и Гермиона поделились своими мыслями, которые уменьшили их собственное горе из-за глупых ошибок прошлой временной шкалы. Они усвоили несколько суровых уроков, но сейчас было не время для горьких воспоминаний или наказаний; это было время надеяться на то, что они раз и навсегда положат конец угрозе Волдеморта и проживут остаток своей жизни в гармонии.

Обменявшись несколькими поцелуями, которые выражали их прощение и любовь друг к другу лучше, чем любые слова, два подростка поддались усталости очень долгого дня, чтобы успеть на несколько часов сна перед новым долгим днем.

Общая сила, которую он не знает

Следующий день расцвел ярким и ясным светом для дома Грейнджеров, и теперь он был не

более правдивым, чем один собачий анимаг, растянувшийся на удобной кровати. Изможденный мужчина нежился на мягком матрасе и теплом пуховом одеяле, чтобы защититься от утреннего холода. Прошло очень много времени с тех пор, как Сириус Блэк чувствовал комфортный сон или даже чувство безопасности, которого ему так не хватало раньше. Даже тогда он не мог отрицать леденящий страх, который всегда охватывал его, когда он возвращался мыслями к событиям, которые привели к этому дню. Мысль о потере мальчика, который поддерживал его в здравом уме во время заключения в Азкабана, до сих пор вызывала у него мурашки по спине. Сириус осознавал опасность, в которой находились Гарри и Гермиона, а также связанные с ними Грейнджеры, Ремус и, несомненно, он сам.

Такие пустынные размышления никогда не приносили Сириусу Блэку никакой пользы, а еще хуже было на ранней заре дня, обещавшего быть очень беспокойным и не менее утомительным как физически, так и эмоционально. Сириус был полон решимости быть полезным для подростков, даже если ему приходилось носить им воду, когда они тренировались; но подросткам он был нужен, чтобы провести их через политику волшебного мира. Бесплезно размышлять об этом аспекте, поскольку их поездка в Гринготтс позволит им узнать, сможет ли Гарри получить доступ к своему хранилищу. Если нет, то им придется подумать о полном уходе из волшебного мира, что не устраивало Сириуса. С другой стороны, волшебный мир плохо относился к нему, и единственная связь Сириуса с этим миром на данный момент заключалась в том, что он родился в волшебном мире. Если ему пришлось бросить это, чтобы обезопасить своего крестника,

Сириус никогда не отличался терпением; он всегда считал себя человеком действия. Однако состояние, в котором он находился, делало любые действия с его стороны не только излишними, но и чрезвычайно опасными; быть беглецом ему не нравилось. Он должен был очистить свое имя, но единственным источником его свободы теперь, вероятно, было бегство через всю страну, чтобы добраться до своего хозяина. Эта мысль оставила у него во рту очень неприятный привкус, хуже утреннего дыхания; и, раздраженно фыркнув, Сириус откинул одеяло и направился на кухню.

Как только он вошел, на него обратились три пары глаз; один из них был гостеприимным и принадлежал его давнему другу Ремусу, но два других, старших Грейнджеров, были разными. К счастью, они не были враждебны, как прошлой ночью. Сириуса утешало то, что два дантиста были готовы дать ему шанс; и это сделало бы их совместную цель сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасность Гарри и Гермионы, намного проще. Как только это закончилось, Сириус мысленно фыркнул: «Было более вероятно, что пара подростков будет охранять весь мир».

Встряхнувшись от своих депрессивных мыслей, Сириус вежливо кивнул троим и с любезным «Не мог уснуть» начал наливать себе кофе с тостами. Это был как вопрос, так и заявление, объясняющее его присутствие за столом так рано утром другим рано вставающим.

Дэн и Эмма были немного напуганы; в конце концов, это был человек, который якобы был массовым убийцей, сидящим перед ними и выполняющим очень обыденную работу по приготовлению завтрака. Каким бы удивительным ни был этот факт, было неприятно услышать, что этот предположительно безумный человек умер, чтобы защитить своего любимого крестника, который теперь был их зятем. Грейнджеры гордились тем, что были разумными людьми, и даже с присутствием ведьмы в их семье они все равно превосходно

справились с событиями. Однако события вчерашнего вечера выбили их из равновесия, и даже ранняя утренняя беседа тет-а-тет с очень услужливым Ремусом не смогла восстановить их равновесие. Учитывая факты, они должны были признать правду, но им было трудно это сделать. Старшие Грейнджеры, наконец, решили, что они не будут слишком глубоко вникать в события, а будут воспринимать их по мере их поступления и, надеюсь, останутся стоять до конца дня. Кроме того, их дочь и зять теперь могли контролировать время! Что самое худшее могло случиться?

Прежде чем они осмелились любезничать с беглым каторжником, их отвлекло присутствие Гарри и Гермионы в дверях. Для двух человек, которые спали всего несколько часов за очень длинный день, дольше обычного из-за путешествия во времени, они выглядели удивительно отдохнувшими, уже вымытыми и готовыми к новому дню. Дэн отказывался думать о причине, по которой они встали так рано. Он надеялся, что они не были заняты какими-либо другими делами, которые не давали им уснуть, и поэтому неохотно вернулся к своей тарелке с завтраком.

Озорной пес, которым был Сириус, не удержался при виде своего крестника, обхватившего жену руками за талию, и сразу же жеманно сказал: «Надеюсь, ты хорошо выспался... » что он предлагал.

Дэн Грейнджер был встревожен и тут же мотнул головой в сторону молодоженов; его кошмар вот-вот должен был сбыться, его дочь уже не была маленькой девочкой. Однако он немного успокоился, увидев, как Гермиона закатила глаза, после чего последовал легкий удар по плечу Сириуса. — Да, мы хорошо выспались, — твердо ответила она.

Помогая Гермионе сесть на ее место и разложив еду для завтрака на тарелке, Гарри ответил на вопрос своего крестного отца: «Мы действительно хорошо выспались. На самом деле, я думаю, что это был первый раз, когда я чувствовал себя отдохнувшим после ночи».

«Ты замедлил время, дорогой? Я не думаю, что ты бы выспался за четыре часа, чтобы выглядеть таким отдохнувшим?» Эмме было любопытно.

«Нет, мам», Гермиона сделала паузу, чтобы вытереть рот салфеткой, прежде чем продолжить; «... чтобы это произошло, мы должны быть в полном сознании. С управлением временем нельзя шутить, и если по какой-то причине наша концентрация нарушается посреди этого, время возвращается к своему естественному течению и к настоящему. что произойдет, если мы будем что-то делать...» невольная дрожь пробежала по жильцам дома, когда их разум тут же представил себе наихудший сценарий.

Это было немного запутанно, но имело смысл. — Тогда... — рискнул Ремус.

Гарри согласился: «Несмотря на то, что мы спали всего несколько часов, именно полночь, которую мы ощущаем в присутствии друг друга, дала нам самый глубокий сон».

«Просто держаться за Гарри во сне было достаточно, чтобы я чувствовала себя полностью

отдохнувшей», — уточнила Гермиона, к ужасу своего отца, который отважно пытался не вызывать в воображении образ своей маленькой девочки в объятиях другого мужчины... скучно одетой... или даже ... 'О нет!' Дэн сглотнул, пытаясь избавиться от образов; ему пришлось перестать трясти головой, чтобы избавиться от явно неудобных мыслей.

Гарри даже представить себе не мог, какие эмоции пронеслись в голове его тестя, но его следующий комментарий эффективно избавил Дэна от любых мыслей, которые могли возникнуть при допросе/мучении его нового зятя. «Ну, когда часть души Волдеморта ушла от меня, я почувствовал себя счастливым, даже головокружительным, и теперь, когда Гермиона стала моей женой, я стал намного более склонен к счастливым мыслям. Разве это слишком много для удовольствия?»

Все четверо взрослых не могли подавить дрожь при мысли о гнусном кусочке души, торчащем внутри Гарри. Меланхолия, которая почти всегда окружала Гарри, обычно поднималась только в присутствии Гермионы, но теперь она полностью исчезла. Если бы присутствие хотя бы очень маленького кусочка души темного лорда почти довело Гарри до грани, они могли бы понять истинное зло Лорда Волан-де-Морта. Открытие того, что душа Гарри была переплетена с душой темного лорда, было шокирующим во многих смыслах. Связь душ считалась воплощением любви; в данном случае, однако, было извращением соединять нежную и любящую душу с душой зла настолько темной, что даже свет из души Гарри, казалось, был изгнан. Потребовалась еще одна нежная душа во имя Гермионы Грейнджер, чтобы восстановить этот свет.

Эмма едва могла сдерживать слезы, услышав горе, которое ее дочь и Гарри пережили в своей прошлой жизни. Любить кого-то так сильно, что время было переписано, чтобы породить их союз, унижало мать. Она всегда думала, что любит Дэна Грейнджера всем сердцем, но теперь, когда она узнала о глубине отчаяния, которое испытал Гарри после того, как понял, что Гермиона не знает о его любви, ее собственные эмоции померкли, как свеча на лице. ада. Это осознание породило яростную решимость сделать все, что в ее силах, чтобы удержать Гарри и Гермиону вместе на всю жизнь.

Совершенно не подозревая о таких эмоциях своих слушателей, Гарри продолжил: «Я чувствую, что моя голова стала намного чище, и я могу лучше понимать вещи, а также лучше запоминать. Почти как если бы блок сняли».

Сириус хлопнул себя по лбу: «Блоки!» — воскликнул он, в то время как у Ремуса на лице появилось зарождающееся понимание. Сириус продолжил: «Ты был очень силен даже в детстве, Гарри. Так что твои родители наложили временный блок на твою магию, и это также мешало твоей способности к обучению. Блок был намного сильнее, чем обычно, и его следовало снять, когда ты был ребенком. около 8 или 9 лет, чтобы ваше тело приспособилось к добавленной магии, а затем вы начали учиться контролю».

Гермиона: «Я говорила тебе, что ты могущественный волшебник, Гарри, и тебе мешают блоки», — она чуть не подпрыгнула от восторга, прежде чем обнять Гарри. — Помфри сказала нам, что из твоей головы вышло что-то черное.

И Сириус, и Ремус выглядят озадаченными, почему что-то черное должно вылететь из головы Гарри, если блок снят. «Нет, Гарри, я не думаю, что то, что вышло из твоей головы, было связано с этим; твое магическое ядро находится где-то рядом с твоим сердцем», — рассуждал Ремус.

— Это может быть часть души... — пожал плечами Гарри.

В напряженной тишине, вызванной небрежным комментарием, Дэн небрежно ответил: «Ну, если этот темный лорд был таким злым, как я могу себе представить, то стоит ли удивляться, что его душа была черной?»

Эта шутка привнесла столь необходимое легкомыслие в утро. Успокоившись, Гарри задумчиво вернулся к теме блоков: «В то время я был у Дурслей, и да, поскольку обо мне так хорошо заботились, забота о моем благополучии была бы для них превыше всего. повестка дня, — саркастически закончил он.

Неловкое молчание было прервано Сириусом. — ...но Дамблдор должен знать. Он был там, чтобы наблюдать за тем, как твоя мать кладет кубики. Даже если он не сделал этого тогда, он должен был что-то сделать, когда ты прибыл в Хогвартс, — чуть ли не прорычал Сириус.

Ремус выглядел раскаявшимся: «Мне очень жаль, Гарри. Я должен был изучить это, когда пришел туда, но Дамблдор запретил любое ненужное общение с тобой, он думал, что это опасно, когда многие Пожиратели смерти избегают наказания».

Гарри не был впечатлен, как и Гермиона, которая знала интимные подробности о страданиях Гарри от рук Дурслей. В то же время они не могли полностью игнорировать угрозу младенцу, только что избавившемуся от их предводителя; они также не могли отрицать, что обереги крови были эффективны, удерживая Пожирателей смерти до тех пор, пока Гарри не достиг совершеннолетия. Что бы еще Дамблдор ни сделал, он обеспечил безопасность Гарри, и это, вероятно, было первостепенным.

Беспорядок в мыслях Гарри был невыносим для Гермионы; даже после понимания общей картины тот факт, что ее муж оказался прямо в центре противостояния галактических масштабов, ее не устраивал. Она знала, что никогда не покинет Гарри, даже если не выйдет за него замуж; их предыдущая жизнь свидетельствовала об этом, но в то же время Гермиона знала свою слабость. Она не была так сильна магически или чрезвычайно храбра в своем сердце, ее сила заключалась в бесстрастном мышлении и ее потрясающей памяти и памяти. В то же время Гарри был ее мужеством и сосредоточенностью; без Гарри она была бы той же кроткой девочкой, плачущей от угроз и насмешек школьниц. Хорошо, что она была так близка с Гарри еще до того, как они были связаны жизнью; им было бы легче узнать, что они уже совместимы, а не учиться быть совместимыми. Их успех зависел от этого, потому что они должны быть вместе, чтобы их силы работали, это было досадно, но она не хотела бы этого по-другому. В каком-то смысле она почувствовала облегчение от того, что Гарри всегда будет рядом с ней, в отличие от одинокой девочки, которой она росла.

Отбросив нездоровые мысли, Гермиона быстро вернулась к своему любознательному «я»: «Сириус, почему способность рассуждать, сохранение памяти и интеллект Гарри должны быть ослаблены, когда он блокирует свою магию?»

Сириус и Ремус обменялись взглядами, и, пожав плечами, Ремус взял на себя ответственность ответить на вопрос: «У ведьмы или волшебника каждая функция тела зависит от магии, чтобы функционировать должным образом. есть очень мало, чтобы прокормить себя, и поэтому, даже если сотворенная пища не питательна, все в волшебном мире наслаждаются ею. Когда вы едите здоровую пищу, ваша магия позаботится о вашем развитии другими способами, интеллект, физической подготовкой, выносливостью так далее...»

Гермиона очень грустно улыбнулась Гарри, неудивительно, что он не был таким умным, когда дело доходит до способности рассуждать, большая часть его магии была потрачена на поддержание его жизни из-за недоедания, с которым он сталкивался большую часть своей одиннадцатилетней жизни. Он много работал, когда это было необходимо, без сомнения, но, по-видимому, в основном это было напрасно, поскольку он не мог не только понять предмет, но также не мог сохранить и вспомнить то, что он узнал, когда это было необходимо. Гермиона просто сжала пальцы в большей руке Гарри; не было необходимости ни в каком словесном общении, поскольку их умы говорили как один о любви и счастье в их нынешнем состоянии.

Сириус размышлял вслух: «Я думаю, что блок в магическом ядре Гарри был сильнее, чем тот, который регулярно используется». Он ласково улыбнулся черноволосому подростку: «... ты был очень сильным ребенком, Гарри. Из-за блокировки было подавлено много магической силы, и когда она вступила в контакт с другой могущественной магией, магией времени, они столкнулись. и вызвал взрыв, который мог повредить ваши магические ядра».

Гарри и Гермионе пришлось согласиться с рассуждениями, поскольку другого правдоподобного объяснения их затруднительного положения не существовало. — Только душевная связь, которую мы образовали... — она озорно улыбнулась Гарри, — ... в ночь на Рождество... — Гарри ярко покраснел при воспоминании о той ночи, когда они провели вместе, полуобнаженные, пока Гермиона заключила, — ...и вмешательство Создатель спас нас».

Общая сила, которую он не знает

Группа из четырех взрослых привела двух подростков в здание из белого мрамора, которое было суверенной нацией гоблинов на британской земле. Хотя Дэн и Эмма привыкли к банку, так как они посещали его для обмена денег, их общение ограничивалось максимум несколькими минутами, и поэтому они с нетерпением ждали гораздо более длительного пребывания среди диких видов. Однако для Гарри и Гермионы их последний визит был жестокой борьбой за выживание не только с гоблинами, но и с драконом в недрах учреждения. Как бы они ни хотели забыть об этом происшествии, само их присутствие в здании вызывало у них мурашки по коже, но, как обычно, Гарри никогда не отступал перед вызовом, а для Гермионы, пока она была с Гарри, у нее не было страха. .

Сейчас больше всего они боялись присутствия Сириуса и реакции гоблинов. Несмотря на то, что он был беглецом, они надеялись, что того факта, что он так и не был осужден, будет

достаточно для банкиров волшебного мира, у которых были свои правила относительно таких вещей. В течение их последней временной шкалы Сириус так и не смог пойти в банк и очистить свое имя; линия наследования имени Блэк действительно перешла к Драко Малфой с условием, что, если он нарушит закон, сын Ремуса и Тонкс унаследует. Результат этой сделки так и не был известен. На этот раз Сириус был внутри банка, и хотя он был в форме анимага, не было никаких иллюзий, что гоблины не опознают его.

Группа, хотя и была внешне сплоченной, опасалась, поскольку им нужно было, чтобы Гарри был принят гоблинами, чтобы состояние Поттера не попало в Министерство; если Гарри не получит его сегодня, они должны будут позаботиться о том, чтобы наследство Поттера, по крайней мере, было заперто для его наследника. Их ожидание было прервано, когда гоблин-кассир за окном пристально посмотрел на них и проревел что-то на своем родном языке.

Группа из четырех взрослых и двух подростков была быстро и эффективно окружена элитной стражей гоблинов, но, к счастью, у них не было оружия. Немногочисленные посетители банка, ожидавшие своей очереди, пришли в трепет при виде элитной охраны группы волшебников и пытались опознать членов группы. Однако на самом деле охранники были там, чтобы помешать кому-либо из этой группы сбежать за пределы банка. Это не было очевидно для тех, кто наблюдал за этой сценой, очарованный намеком на ревность, поскольку они видели то, что выглядело как преференциальное обращение.

Группу провели в богато украшенный кабинет с табличкой, на которой было написано: «Рейнфист, бухгалтер Блэк, Малфой, Лестрейндж». Несмотря на то, что гоблин с другой стороны стола не был впечатляющим своим ростом, он был впечатляющим своим взглядом, который предупреждал людей, что любое неправильное движение недопустимо.

Дождевой Кулак властно посмотрел на людей, стоящих перед ним, его взгляд остановился на каждом из них на несколько мгновений, прежде чем, наконец, сцепиться с черной собакой, сидящей на корточках. «Мистер Блэк, назовите мне хоть одну вескую причину, по которой я не должен позволять охранникам оторвать вам голову?» — заявил он совершенно нейтральным тоном, но скрытая злоба заморозила пятерых людей и собаку, которые все еще стояли перед ним.

Сириус превратился обратно в свою человеческую форму и, подняв руки и ладонями перед собой в умиротворяющем жесте, ответил: «Я не был тайным хранителем Поттеров, и Питер Петтигрю все еще жив...»

— Хм... — стоящий перед ними гоблин почесал челюсть, взъерошив козлиную бородку. Он сделал жест рукой, и двое гоблинов-охранников выбежали из комнаты. «Это две причины, мистер Блэк, и обе они очень хороши. Пожалуйста, займите свои места...» он снова махнул рукой, и перед ними появилось шесть мягких стульев, которые люди с радостью заняли.

Рейнфист снова посмотрел на Гарри и Гермиону пронзительным взглядом, словно пытался разгадать загадку, и этот взгляд их откровенно нервировал. Два подростка были уверены, что выдержат любое нападение гоблинов, но в то же время не хотели никакого конфликта между двумя расами, так как отношения и без того были очень бурными. Кроме того, Гарри и

Гермиона формально классифицировались как магглы, и у них не было никаких причин или прав находиться в Гринготтсе.

Испуганные взгляды людей и суровый взгляд гоблина отвлеклись, когда двери открылись, и двух выскочивших охранников теперь сопровождали еще трое гоблинов. Двое вновь прибывших были одеты в униформу банковских служащих, в то время как другой был одет в прекрасный набор мантий, которые выглядели еще более впечатляюще, чем одежда Дождевого Кулака, и означали более высокий ранг, чем у черного счетовода. Не говоря ни слова, трое вновь прибывших сели на недавно сотворенные стулья по другую сторону стола от клиентов-людей.

Рейнфист просмотрел документ, который дал ему гoblin, крайний справа, и, кивнув, сказал: «Мистер Блэк, мы в Гринготтсе благодарим вас за то, что вы подняли вопрос о мистере Петтигрю. Теперь подтверждено, что Мистер Петтигрю не был мертв, как нам сказали, и поэтому утверждение вашего министерства о том, что вы приложили руку к его убийству, опровергнуто. Лили Поттер?»

Сириус мгновенно просветлел, с ухмылкой положил руку на голову Гарри и пропел: «Я, Сириус Блэк, подтверждаю, что я крестный отец мистера Гарри Джеймса Поттера». Как только он закончил говорить, краткая вспышка света исходила от Сириуса и попала в Гарри, который тоже ненадолго вспыхнул. Что было удивительно, а может быть, и не для тех, кто знал о паре, Гермиона тоже вспыхнула одновременно с Гарри.

Известно, что гоблины никогда не удивляются, но события дня были для них в основном шокирующими, и хотя четверо гоблинов за столом изо всех сил старались выглядеть невозмутимыми, их удивление отразилось на их лицах, хотя и на очень короткое время. «Я мог ощутить только одну магическую подпись между мальчиком и девочкой, зная, что это был Гарри Поттер, я предположил, что это был он. Теперь, когда девушка тоже засветилась в ответ на заявление Сириуса Блэка, я не знаю, что происходит... — подумал про себя эффектно одетый гoblin. Его глаза расширились, когда его поразила одна мысль, и он расширил свои чувства. «Девочка и мальчик имеют одну и ту же магическую подпись... — подумал он в шоке, — ... интригует!»

Группа из шести человек также была удивлена этим откровением, но, немного подумав, они поняли смысл и причину этого. Гарри и Гермиона переглянулись и, одновременно пожав плечами, повернулись к гоблинам.

Дождевой Кулак слегка покачал головой, словно пытаясь избавиться от замешательства, хотя это никак не помогло разгадать тайну. Но это не его забота, и поэтому он взял коробку, которую принес его помощник, и обратился к Сириусу: «Ну, тогда, мистер Блэк, кажется, вы действительно невиновны во всех преступлениях, которые на вас возложили, и поэтому вы имеете право получить ваше наследство в качестве главы дома Блэков», — сказав это, Рейнфист подтолкнул коробку к ошеломленному псу-анимагу.

Именно шлепок Ремуса по спине в поздравлениях вывел Сириуса из шока и, коснувшись кольца, лежавшего внутри коробки, благоговейно спросил: «Глава дома? Как это возможно? Меня выгнали из семьи», - недоверчиво спросил он.

«Ваш отец никогда не становился главой дома, мистер Блэк, — ответил Рейнфист, — ... а ваш дед был очень проницательным человеком. Он хотел, чтобы вашим семейным состоянием распоряжался только Блэк; , в его завещании было указано, что один из их сыновей должен взять фамилию Блэк, если ему придется стать главой дома. Несмотря на то, что твоя мать изгнала тебя из семьи, ты никогда не был лишен наследства, твой дед позаботился об этом».

С явным вздохом облегчения Сириус надел кольцо на средний палец правой руки. Те, кто никогда раньше не видел ничего подобного, ожидали какого-нибудь причудливого фейерверка, но на самом деле это было очень хромо, так как было лишь короткое свечение, пока кольцо приспособивалось к костлявым пальцам Сириуса. «Ну, это было весело, — сказал он шутливым тоном, — ... по крайней мере, теперь у нас будет достаточно безопасное место для жизни».

Следующие несколько минут были заняты помощником Рейнфиста, который вместе с Сириусом обсудил владения Блэка и законы о наследовании. Завершив подписание тонны бумаг, Сириус вскинул кулак в воздух и вздохнул с облегчением: «Сделано...», но замолчал и внезапно побледнел: «О, чувак! Значит ли это, что я должен иметь детей?» он закричал фальшивыми слезами и все такое.

Все люди, кроме Сириуса, разразились смехом, но быстро замолчали, увидев стойкие лица четырех гоблинов в комнате. Гоблины выглядят очень серьезными, даже когда они были счастливы, и бурное проявление эмоций людьми им не нравилось, но, к счастью, одного их взгляда было достаточно, чтобы люди замолчали.

Рейнфист сдерживал желание насмеяться над людьми; было бы нехорошо вызывать неприязнь к его клиенту на столь раннем этапе их деловых отношений. В конце концов, Блэки были очень богаты, и если бы он захотел, Сириус Блэк мог бы вернуть приданое Нарциссы Малфой и Беллатрисы Лестрейндж под видом незаконного поведения. Тогда управление состоянием Блэков принесет Рейнфусту солидную комиссию, которую он будет глупцом потерять. Поэтому, сдерживая свои эмоции, он спросил: «И это все?»

Все люди немного заерзали, но Сириус успокаивающе положил руку на Гарри и, в свою очередь, также успокоил Гермиону. «На самом деле, мой крестник Гарри Поттер должен занять свое законное место главы дома Поттеров».

Люди могут с уверенностью сказать, что они никогда не видели удивленного гоблина, но в тот день шесть человек могли засвидетельствовать, что видели шокированного гоблина. Со вкусом и дорого одетый Гоблин, который до сих пор был молчаливым зрителем, представился Голдграбом, бухгалтером дома Поттеров: «О! И как мистер Поттер может претендовать на свое наследство, даже не достигнув совершеннолетия?» — спросил он. Однако, как только слова слетели с его губ, он понял, что могло произойти. «Моя, моя, моя, душевная связь, — затем его глаза незаметно сузились, — как он мог соединиться с неволшебной девушкой? Определенно что-то происходит; что это может быть, я не знаю.

Гарри немного покраснел, но затем с широкой улыбкой заявил: «У меня есть душевная связь с моей лучшей подругой, а теперь и женой, Гермионой Грейнджер-Поттер».

Голдграб кивнул головой, увидев, что его догадка подтвердилась: «Мистер Поттер, хотя я и могу вас узнать, наши датчики в банке не смогли идентифицировать миссис Поттер и вас по вашей магической подписи. Нам придется проверить вашу личность, чтобы подтвердите, что это действительно мистер Гарри Джеймс Поттер, который пытается получить доступ к хранилищам Поттера».

Гарри моргнул, услышав, что банк не может их идентифицировать; он посмотрел на свою жену и увидел, что самая умная ведьма ее поколения тоже была в тупике. Дэн и Эмма тоже были встревожены и немного напуганы, они не понимали, что происходит, но слова «сенсоры» и «неопознаваемый» звенели в их головах тревогой.

Тем временем Гарри слегка склонил голову и согласился пройти тест. Дождевой Кулак нажал кнопку на своем столе, и из недр стола появилась руническая чаша, которую он передал Голдграбу. «Мистер Поттер, я использую свой кинжал, чтобы взять несколько капель крови, которые затем будут помещены в эту чашу. Ваша магическая подпись будет использована для подтверждения вашей личности. Это приемлемо?»

Несмотря на то, что это был явно вопрос, требующий ответа, Голдграб бесцеремонно схватил руку Гарри и сделал небольшой надрез посередине ладони, выдав необходимое количество крови. Внутри рунической чаши кровь стала молочно-белой, и через несколько секунд из прорези на столе Дождевого Кулака появился пергамент, который должным образом передали Голдграбу.

Гоблин взглянул на совершенно чистый пергамент и хмыкнул, заставив несколько приподняться бровей. С едва слышным «миссис Поттер» он провел тест на Гермионе, и никто из них не мог возразить. У Гермионы не было времени среагировать, но она ничего не могла или даже хотела сделать, чтобы остановиться; она была достаточно любопытна, чтобы разгадать тайну Гарри и ее личности раз и навсегда.

На этот раз у Голдхвата не было ответов, что было редкостью для гоблина, служившего в Гринготтсе более двух столетий и большую часть из них служившего семье Поттеров. Он начал задумчиво поглаживать подбородок, что было очень редким явлением. Только те, кто близко знал старого Гоблина, знали, что, хотя он и носил маску спокойствия, его мысли были в смятении; Голдграб гладил себя по подбородку только тогда, когда сталкивался с ситуацией полного непонимания.

Собравшись с мыслями, Голдграб обратился к встревоженно выглядевшим людям: «Ну, в вас обоих есть магия, она пропитана самим вашим телом, а не ядром, которое обычно наблюдается у обычных волшебников и ведьм. сильно отличается от того, с чем вы родились, и у вас обоих одинаковая магическая подпись, что невозможно».

Один из ассистентов наклонился к Голдграбу и прошептал что-то на их родном языке, а когда среди четверых раздались одобрительные возгласы, ассистент выбежал из кабинета. Голдграб продолжил: «Министерство магии пыталось получить доступ к хранилищам Поттеров под предлогом того, что, поскольку последний из Поттеров потерял свою магию, Министерство должно конфисковать хранилища и вернуть все деньги, имущество и тому подобное. магия,

когда нет живых наследников, но мы были удивлены, когда хранилища Поттеров не сделали, мы пытались убедить министра, что есть живой наследник Поттера с магией, и когда министр не сдвинулся с места, в конце концов пришлось вручную заблокировать их Министерство не имеет права голоса в этом, но теперь, после мистера Поттера, у вас есть магия, хоть и в необычной форме, и это само по себе означает, что никто не может конфисковать хранилища Поттеров. До того дня, пока законный наследник Поттера не заявит права на хранилища, они останутся взаперти».

Слова бухгалтера Поттера вызвали недоумение, у Гарри была магия, он был Поттером, так в чем проблема? Старый гoblin устало провел рукой по лицу; это был необычный случай, чего никогда не случалось с ним за всю его долгую жизнь. Он не хотел обидеть одного из самых состоятельных клиентов, если не самого богатого, но в то же время политика Гринготтса запрещает передавать управление без надлежащей аутентификации.

«Технически мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, что вы — Гарри Джеймс Поттер, и поэтому мы не можем передать вам хранилище Поттера и имущество...» — он сделал паузу, наблюдая за реакцией аудитории. Голдграб был воодушевлен, увидев, что, хотя двое подростков были разочарованы, это не давало ему никаких указаний на то, что это было вызвано какими-то злонамеренными причинами. Из-за этого он надеялся, что следующие слова их успокоят: «... есть только один способ подтвердить раз и навсегда, что вы наследуете финансы Поттеров, и это то, что мы хотели бы сделать».

Как только он закончил, ассистент, вышедший из кабинета, вернулся со странным трехконечным посохом. Посох был около четырех футов в длину и был деревянным, он был таким узловатым и бороздчатым, что, вероятно, был очень старым. Воздух вокруг леса мерцал сдержанной магией и взывал к самым их душам. Когда ассистент отпустил посох перед Гарри и Гермионой, тот остался висеть в воздухе, зависнув перед ними, к большому изумлению шестерых людей.

«Мистер Поттер, мисс Грейнджер, это жезл для прорицания; его цель — раскрыть ваши истинные формы для всеобщего обозрения. Пожалуйста, возьмитесь за нижние ветви и призовите свою магию...» — подсказал Голдграб.

Гарри и Гермиона обменялись беспокойными взглядами, но охотно ухватились за две нижние ветки. Через несколько секунд средняя и длинная ветвь ненадолго засветилась, и из нее вышел тонкий туман. Туман, казалось, колебался, как будто не зная решения, и, наконец, слился в единый сгусток тонкого прозрачного облака, которое повисло примерно на уровне их глаз, прежде чем рассеяться.

Шестеро людей были сбиты с толку, но их насторожило резкое дыхание четырех гоблинов в комнате. Шепот был произнесен на их родном языке, и хотя люди не могли понять слов, эмоции были ясно видны на их лицах; это было выражение полного изумления и благоговения перед парой подростков.

После нескольких мгновений неизвестности Голдграб вернулся к своему деловому «я» и сказал Гарри и Гермионе: «Мистер Поттер, миссис Поттер, у вас нет душевных уз...» он замолчал,

увидев замешательство и недоумение. немного встревожил двух подростков и быстро попытался их успокоить: «... вы на самом деле разделяете одну душу!» — заявил он ко всеобщему изумлению.

<http://tl.rulate.ru/book/74868/2106221>